

В День Победы

Фото А. Гличева

ЗВЕЗДА

За сельской дорогой прямою
есть холмик, поросший травой,
стенными дождями омывтый,
стенными цветами укрытый.
Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко...

Вон там, где трава закачалась,
дорога солдата кончалась.
Настигнут осколком железным,
он пал никоме не известным...

Пришли сюда грустные вдовы,
простые крестьянки Молдовы.
Отрыли могилу солдату,
поставили скорбную дату

и, полные тихой печали,
над свежей землей помолчали...

С тех пор за оградой резною
цветы вырастают веснойю.
Над красной звездой обелиска
деревья склоняются низко.

Все та же лоза винограда.
Все та же звезда и ограда...

К звезде этой нынче, живые,
придите, как будто впервые,
вокруг нее землю вспашите.
Спят, живые, спешите!

У букв, за старой криницей,
все поле засеяте пшеницей,
чтоб рядом с солдатом началось,
чтоб жизнь его век не кончалась!

Перевел с молдавского
Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

ЦВЕТЫ

Я не сажал цветы,
А только рвал их
И клал для маскировки на окон.
Вставал не раз — в кровоподтеках
алых —

За бруствером
Разрывая черный снап.
Топляныя нилки.
Прочно копать вьелась,
И стебельки валялись тут и там.

...А так порой хотелось,
Так хотелось
Припастись лицом вспотевшим
К тем цветам!
И кто-то, видно, знал желанья эти.
И нас, уставших
После всех дорог,
Встречал цветами — лучшими на свете —
Освобожденный с боем городок!

Да здравствует жизнь!

ДАЖЕ сегодня, спустя четырнадцать лет, минувших со дня освобождения, проезжая через городок или село, вы можете увидеть на облупившемся заборе или стене дома почти уже стертую надпись: «Хозяйство Медведева или «Мин нет. Проверено. Смирнов».

Остановившись перед этими наскоро выведенными словами, и повеет на тебя волнующей атмосферой мая 1945 года, который навсегда останется самым радостным впечатлением нашей жизни.

И хочется попросить наших пионеров в больших городах или селах: ищите, ребята, все эти драгоценные свидетельства, записывайте их, переписывайте, фотографируйте, не допускайте, чтобы они исчезли! Даже простые саперные знаки, обыкновенные стрелки-указатели, под которыми поставлены инициалы, мы, чехословаки, храним в своей памяти, как дорогие нам реликвии. Ведь когда они появились, реласался вопрос жизни и смерти наших народов. И те, кто в спешке боя оставил подобные знаки, разрешили для нас этот вопрос. В своих простых работах или крестьянских руках приносили они дар свободы и жизни. В глубинах коряжьих цветущего дерева, каким сегодня стала наша жизнь, — их пот, их кровь.

Владно воздвигнут замечательный памятник советскому воину: у него молодое, озаренное светом человечности, широкое лицо. Он смотрит куда-то вверх и вперед и, как бы приветствуя будущее, поднимает в руке букет весенних цветов.

Я люблю этот памятник. Небольшая его копия есть у меня дома. Когда бы я ни посмотрел на него, вспоминаю о самом счастливом дне моей жизни, о той утренней минуте, когда увидел первого советского воина, бегущего по правому берегу с автоматом в руках, чтобы выполнить приказ: обезвредить последнего фашиста, спасти Прагу и пражан, спасти детей, спрятавшихся в подвалах от убийц.

Через два часа в тот день я снова увидел его лицо: с него уже исчезло напряжение боя, оно излучало свет, который не сгинул ни дым сражений, ни пыль дорог. Это был посланник нового гуманизма. Несмотря на все препятствия, он достиг цели, и глаза его уже видели завтрашний день, завтрашние цели.

Когда я читал доклад Никиты Сергеевича Хрущева на XXI съезде, снова и снова вставала передо мной хорошо знакомые лица советских людей, что трудятся сейчас у доменных печей, за штурвалом комбайна, у точных приборов научных лабораторий; людей, с которыми впервые познакомился мы в мае 1945 года. И среди них те, кто, может быть, написал 14 лет назад на наших стенах памятные простые слова; кто в переры-

глубокий смысл имеет наше строительство. Завершение строительства социализма в Чехословакии стало для миллионов людей личным делом, личной задачей, делом чести. Мы хотим не просто присутствовать при этом строительстве, нет. Мы хотим внести свой вклад в коллективное дело. Мы хотим быть теми, кто непосредственно творит, создает.

Позавчера я получил из Минеральных Вод телеграмму: она очень обрадовала меня. Ее прислала героиня моего романа, над которым я работаю ряд лет. Это бывший командир партизанского отряда Евгений Антонович Олешинский, организатор партизанского движения в Подкарпатском районе, освобожденный вместе со своими бойцами город Пршибрам 5 мая 1945 года. Долгие годы я считал, что Евгений Антонович скончался от ранения. И только в прошлом году узнал, что он жив. В телеграмме Олешинский, между прочим, пишет:

«Прошу передать привет всем защитникам Праги, принимавшим участие в боях против нацистских захватчиков...».

Мне хочется только одного: снова с любовью посмотреть на этого прекрасного советского человека, с такой сердечностью вспоминающего наших людей, человека, с боями пришедшего в Чехословакию, чтобы освободить нас. Мы хотели бы взять его за руку, показать район, который он освобождал, показать, каким цветущим стал Пршибрам, выросший в три раза по сравнению с тем, каким он был, когда его освобождали советские солдаты. Хотелось сказать ему, всем советским братьям:

— Мы не сидели сложа руки. Ваши жертвы не были напрасны. Вы помогли нам создать то, что для нас дороже всего. Вы научили нас строить социалистическую Чехословакию!

Мы никогда, никогда не забудем этого! ПРАГА, 8 мая. (По телефону)

Вспоминать те страстные слова, которыми мы обменялись 14 лет назад в мае в Праге, едва изучив несколько русских фраз, едва привыкнув понимать язык. Вновь и вновь, словно люди, испытывающие жажду и стремящиеся утолить ее, говорили мы с советскими солдатами. И простая сила правды, заключенная в их словах, волновала, покорила, пленяла нас. Сколько людей, пренебрегавших до того времени «политикой», стали вдруг видеть и думать по-иному! Сколько плодотворного волнения вселяли в наши сердца и мысли посланцы Советской страны, принесшие слова правды!

Все это связано с нашим нынешним днем! Из семян, брошенных тогда, возросло нечто новое, небывалое. Многие из нас, людей старшего поколения, чувствуем, что их жизнь как бы делится на две части: до мая 1945 года и после освобождения страны Советской Армией, вплоть до настоящего дня.

В дни памятного мая многие из нас вступили в партию. И из этих людей выросло немало твердых, целеустремленных строителей социализма. Они отдают все свои силы, трудясь на самых ответственных и важных участках во имя успешного завершения строительства социализма.

Недавно я совершил поездку по чешской провинции, побывал в селах, в небольших и крупных городах, на заводах, в сельскохозяйственных кооперативах, школах, среди бойцов-пограничников. Я беседовал с сотнями тружеников многих отраслей народного хозяйства. И поверьте мне, с каждым часом во мне росло чувство радостной гордости от того, что я увидел. Как много могут сделать, создать, улучшить, построить своими искусными руками наши люди!

И не только в этом дело. Подвляющее большинство из них ясно осознает, почему и во имя чего творят они, какой

- В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:
- ★ Ян Дрда. Да здравствует жизнь!
- ★ Новые стихи М. Аллгер, А. Лупана.
- ★ А. Межирова, М. Найдича.
- ★ «Партизанка». История одной шкатулки.
- ★ И. Горелик. Славная традиция эпохи.
- ★ В. Федоров. Поиск прекрасного.
- ★ И. Науменко. Дом над морем.
- ★ М. Светлов. Третий Брандт. Фельетон.

Славная традиция эпохи

СОТНИ важных и тысяч, на первый взгляд, мелких, предходящих событий сотрясали в майские дни 1919 года земной шар.

В огромном торжественном зале Версальского дворца премьер-министр Франции Клемансо вручил представителям побежденной Германии жесткие условия мира. И граф Брондорф-Ранцау, бледный от унижения, принял дрожжащими руками толстый том... В Берлине началась комедия судебного процесса над убийцами Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Подсудимыми были офицеры гвардии и флота, а судьями — ничем не отличавшихся от убийц Либкнехта палачи германских рабочих... Генерал Юденюц двинул свои войска на Петроград... Крестьяне Вологды отправили в голодную Москву 632 пуда сливочного масла... Еще одно восстание против английских колонизаторов было подавлено в Египте... Свыше двухсот коммунистов и сочувствующих Москвы-Казанской железной дороге провели 10 мая первую «коммунистическую субботу». Они добровольно и совершенно бесплатно отработали сверх положенного им времени шесть часов.

В бурной, кипящей жестокими страстями Европе, только что закончившей империалистическую войну, прошло незабываемое событие, как сверхурочная бесплатная работа каких-то никому не ведомых клемансо с подмосковной станции Перово. Люксембург, Вильсон и Ллойд Джордж делали «большую политику» — они разделили Германию, когда-то мечтавшую раздуть всю Европу, — что им было за дело до московских железнодорожников? И генерал Юденюц, уже видевший себя гардуцием на белом коне по Невскому проспекту, конечно, слыхом не слышал о «коммунистической субботе», не предполагал, что та же великая идея, которая подняла людей после тяжелого рабочего дня на трудовой подвиг, приведет тысячи простых рабочих в окопы под Питер, чтобы разгромить войска Юденюца.

Но был Ленин, который усмотрел в первом массовом коммунистическом субботнике явление чрезвычайного значения и назвал его «великим почином», фактическим началом коммунизма. Ленин сказал, что коммунистический субботник имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга или Фомы и англанга в империалистической войне 1914—1918 гг.

Сорок лет прошло с тех пор. Сменилось несколько поколений. Неотъемлемой частью всей истории нашей Родины стали «коммунистические субботники», как стали они одной из самых светлых страниц в биографии советских людей. Они с гордостью рассказывают внукам, как разгружали баржи на пристанях, тулпушки на станциях, как сортировали металлические части машин в холодных цехах возрождавшихся в жизни заводов; другие — делятся с сыновьями тем, как с ломанами и кирками вырыли в мерзлую землю Магнитки и Кузнецка, как проводили штурмовые ночи на Сталинградском тракторном, как отдавали свободные дни возведению корпусов в деревне Монастырки под Нижним-Новгородом... А третьи... Для третьих — субботники еще не стали воспоминаниями, это живая традиция, воплощенная в делах сегодняшних строителей семилетки.

Что ЗАСТАВЛЯЕТ одного товарища соревноваться с другим? Сталевара со ставелем? Придильщика с придильщиком? Что объединяет людей в бригады коммунистического труда?

Есть в мире две дисциплины: дисциплина голода — с одной стороны, а с другой — дисциплина сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига.

Когда-то, собирая материал для книги о Горьковском автомобильном заводе, я познакомился с инженером Павлом Александровичем Камышевым.

Он был в числе тех, кто в первые годы пятилетия побывал в США, работал и учился у Форда. Однажды в Детройте Камышев шпифовал калибровые скобы. За другим станком работал высококвалифицированный инструментальщик — американец. Он тоже шпифовал скобы. Работа тонкая, умная. Камышеву нравилось, как ритмично трудились американец. И тогда Камы-

шеву пришла привычная мысль: дай-ка я с ним посоревнуюсь! Кто больше отшпифует скобы?

Внезапно подошел мастер. Ни слова не говоря, он схватил Камышева за руки, придерживая их в своих руках и так же молча, ловким движением выключил его станок.

— В чем дело? — растерявшись от неожиданности, спросил Павел Александрович.

— Мистер Камышев, — медленно процедил мастер, — поглядите туда! — Он кинулся в сторону тумбочки соседа, на которой рядом лежали 27 скоб, потом перевел взгляд на тумбочку Камышева — здесь уже выстроились 40 скоб — и добавил с улыбкой: — Вы хотите, чтоб его уволили?

На том и окончилось необъявленное соревнование двух слесарей.

Один — подчинился дисциплине голода. Он знал, что увеличение производительности труда выбросит его самого или же его товарищей по работе за ворота завода.

Другой — подчинился дисциплине сознательного коллективного труда. Всякое увеличение выработки рабочими в его стране обещало рост благосостояния и этого рабочего, и всех его товарищей.

Что же много лет прошло с тех пор. Может быть, изменилось положение? Пропаганда «свободного предпринимательства» утверждает, что капитализм стал иным, «прогрессивным». Так ли это?

Действительно, производительность труда в Америке очень высока. Она все еще выше, чем производительность труда в Советском Союзе. И, однако, вместе с ростом производительности труда в Америке увеличивается и бедствия народные.

В данном случае нет основания не верить таким противникам коммунизма, как председатель АФТ—КПП Джордж Мини, или председатель объединенной профсоюзной автомобильной и авиационной промышленности Уолтер Рейтер, или сенатор Поль Дуглас, или председатель профсоюза железнодорожников служащих Джордж Гаррисон. Все они в один голос говорят о чудовищной безработице — этом национальном бедствии, которое усиливается с механизацией и автоматизацией.

Около пяти миллионов безработных в США — вот один из итогов «прогрессирующего» капитализма!

«Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, — писал В. И. Ленин после первых коммунистических субботников, — что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное».

Оно было начато тогда, в 1919 году. И подобно тому, как с каждым пятилетием уменьшался разрыв между выпуском продукции на душу населения в СССР и США, так уменьшался разрыв и в показателях производительности труда.

Дело долгое и трудное, но дело реальное.

Уже в эти семь лет мы должны поднять производительность труда в промышленности в полтора раза и, значит, приблизиться к производительности труда американцев.

Приближаться. Потом подойти вплотную. А вслед за тем и обогнать.

ЕСТЬ в Донбассе шахтер Николай Мамай. Имя его ныне известно всей стране. Каждую смену давал уголь сверх плана! — вот мысль, с которой приходит в шахту и уходит из нее горняк бригады Мамай.

То, что страшило соседа Камышева в Детройте, стало органической потребностью для Мамай и его товарищей.

И как бы переключился с ним, другой донецкий забойщик Александр Колычкин решает столь же сложную задачу: экономит на каждой тонне угля не менее одного рубля! Может ли прийти в голову такая мысль рабочему с фордовского завода?

Не так давно я присутствовал при отладке ленинградского копирально-

фрезерного автомата, одним из создателей которого был талантливый конструктор Дружинский. Отладка сложного станка с электронным устройством вот-вот должна была закончиться. Собственно говоря, станки этого типа уже находились в эксплуатации, но инженеры не прекращали их совершенствовать.

— Видите этот станок? — сказал мне Дружинский. — У него много авторов, людей, о которых, может быть, и не вспомнят, когда будут писать об этом автомате...

И на мой недоуменный вопрос конструктор не спеша ответил:

— Когда мы вынули первые образцы нашего станка, рабочие на заводах позачину отнеслись к нему с недоверием. Станок был сложен, капризен... Казалось, удобнее и привычнее работать на старых станках. Есть такой фрезеровщик — Гаврилин, не помню точно, как его имя-отчество. Кажется, Александр Степанович. Живет он на Волге. И вот Гаврилин стал за этот станок, решив во что бы то ни стало его освоить... Недавно я получил от него письмо. Хотите посмотреть?

Письмо это лежит сейчас передо мною. Я приведу из него несколько отрывков, ничего не меняя в стиле автора.

«На станок вашего производства я пошел работать по собственному желанию, так как хотел расширить свои знания и опыт как фрезеровщик. И, несмотря на сложившееся мнение о станке, я верил, что не столько виноват станок, сколько виноваты работники, работающие на нем. И второе, что убедило меня стать на данный станок, — это желание отстоять честь нашего станка перед станками «Келлер» и вообще иностранными станками».

После того, как я проработал на станке 10 месяцев, могу с гордостью заявить, что мне это удалось, и сейчас я работаю со смещением, которого обучил, и нам доверяют все работы. Мнения о станке теперь таковы, что станок полностью соответствует своему назначению, а особенно на тяжелых работах».

За этим следовало пять страниц подробнейшего анализа, который, право, сделает честь любому конструктору или ученому-технику. «Вопросы по механической части», «вспросы по электрической части», чертежи, эскизы... А кончалось письмо так:

«Письмо писал с намерением хоть немного да способствовать усовершенствованию нашего советского станка».

Что заставило А. С. Гаврилина добровольно пойти работать на новый сложный и капризный станок? Ведь это, несомненно, сузило ему, на первое время, и снижение заработной платы, и трепку нервов. Что побуждало его так кропотливо изучать этот станок? Трагично свободные от работы часы на составление подробного письма-исследования, т. е. на то, что не является его прямой обязанностью?

То самое, что вело перовских железнодорожников на субботники в 1919 году, то, что заставляет Александра Колычкина экономить рубль на каждой тонне угля, а руководителя бригады коммунистического труда Николая Мамай регулярно, каждую смену переполнять норму. Великая идея коммунистического общества.

А коммунизм начинается там, говорит Ленин, где появляется самостоятельная, преодолевающая тяжелый труд, работа рабочих оо увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достигаемых в работах лично и не «блуждающим», а «дальним», т. е. всему обществу в целом...»

НА НОВОСТРОЙКИ...

На днях бюро ЦК КП Узбекистана на заседании, посвященном обсуждению итогов декады узбекского искусства и литературы в Москве, рассмотрело творческие заявки писателей республики. Бюро ЦК КП Узбекистана одобрило инициативу писателей А. Мухтара, А. Удалова, Х. Назира, С. Ахмада и других о поездке на длительное время на крупнейшие стройки, в колхозы и совхозы республики для создания новых произведений.

Стихи на Камне

Вы имеете в виду: Вдали от русской матери-земли... — Это стихотворение написал я. — И по телефону Горюлов читает мне стихотворение от первой до последней строки. А спустя полчаса я захожу в комнату небольшого двухэтажного дома на Владимирской улице и знакомлюсь с автором.

— Мысль увековечить память о вторичном освобождении Болгарии от иноземных захватчиков принадлежит коллективу редакции армейской газеты, — рассказывает Леонид Горюлов. — Эту инициативу горячо поддерживали командование и все воины. Мне поручили написать стихотворение, а моему другу художнику Ивану Григорьевичу Лосю — оформить мемориальную доску.

— Стихотворение это — плод коллективного творчества, — продолжает Горюлов. — Каждое слово, каждая строка горячо обсуждалась всей редакцией. Внес свою лепту и командующий войсками 3-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Федор Ива-

— Вы имеете в виду: Вдали от русской матери-земли... — Это стихотворение написал я. — И по телефону Горюлов читает мне стихотворение от первой до последней строки. А спустя полчаса я захожу в комнату небольшого двухэтажного дома на Владимирской улице и знакомлюсь с автором.

— Мысль увековечить память о вторичном освобождении Болгарии от иноземных захватчиков принадлежит коллективу редакции армейской газеты, — рассказывает Леонид Горюлов. — Эту инициативу горячо поддерживали командование и все воины. Мне поручили написать стихотворение, а моему другу художнику Ивану Григорьевичу Лосю — оформить мемориальную доску.

— Стихотворение это — плод коллективного творчества, — продолжает Горюлов. — Каждое слово, каждая строка горячо обсуждалась всей редакцией. Внес свою лепту и командующий войсками 3-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Федор Ива-

История одной шкатулки

СЕГОДНЯ, в День Победы, в Центральном музее Советской Армии впервые выставлены новые экспонаты истории Великой Отечественной войны — самодельная деревянная шкатулка, покрытая надписями и рисунками. Она рассказывает о судьбе трех советских людей, бежавших из фашистского концлагеря в нашедших приют в семье гражданки Литовской ССР Болеслава Лазукаска.

В последние годы найдено много новых свидетельств массового героизма советских людей в дни войны. Мы узнали новые имена героев, которые в любых условиях — на фронте, во вражеском тылу, в концлагерях — сохраняли несгибаемую нравственную силу и боролись за победу.

Вспомните шолоховскую «Судьбу человека»: жизнь Андрея Соколова сложилась так, что он был пленен, попал в концлагерь. И там — в плену, среди врагов, без оружия в руках — Соколов оставался советским патриотом со всеми его высокими нравственными качествами: ненавистью к фашизму, преданностью Родине, партии, народу.

История шкатулки «Партизанка» — это повесть о трудной военной судьбе советских патриотов, оказавшихся в тылу врага и продолжавших борьбу...

Борис Долгих оставил на шкатулке адрес: Оренбургская железная дорога, г. Бузулук, ул. Серго, дом 70.

Специальный корреспондент «Литературной газеты» Ю. Оклянский, командированный в Бузулук, передал по телефону:

— Беседа сейчас с Борисом Прохоровичем Долгих. Он очень скупко говорит о себе и о большой теплотой — о Новалеве, умевшем вселять в товарищей уверенность и бодрость даже в самые тяжелые минуты. Сам Долгих окончил Бузулукский гидромелиоративный техникум. Строил оросительные каналы в степи под Бузулуком, затем, в 1938 году, стал слушателем Военно-инженерной академии имени Куйбы-

История одной шкатулки

комсомола, депутат Советского райсовета г. Вильнюса, член президиума республиканского комитета профсоюза рабочих легкой и текстильной промышленности, участница II профсоюзного съезда рабочих промышленности товаров широкого потребления в Москве, училась заочно в техникуме легкой промышленности.

Из века пришла Рамуте — невысокая миловидная девушка в черном халатике. Она держалась скромно и просто. Мы спросили ее, помнит ли она трех советских военнопленных, которые прятались в лесу. Да, Рамуте помнит их. И у нее даже хранится фотография одного из них — это была фотография В. Долгих. Девушка заговорила о деревянной шкатулке «Партизанка». Отец хранил ее как самую дорогую реликвию, разобрав шкатулку на дощечки и спрятав в сених. Иногда он доставал «Партизанку» и показывал детям, предупреждая сына и дочь, чтобы они никому не говорили об этом дорогом для него подарке. «После войны мы обязательно разыщем этих людей!», — говорил отец.

Возвонившая воспоминаниями, девушка рассказывала и о том, как в их дом во время войны приходили партизаны, и о том, как ее родители получили от Советской власти землю, как отец, смеясь, говорил:

— Кулаки теперь совсем не повесили!

Да, после изгнания гитлеровцев и освобождения Советской Литвы каждый ее крестьянин получил землю, отбитую оккупантами. А как дорога для крестьянина земля, Лазукаска знали отлично: еще до войны кулак Каледа, владевший хутором Гуронис, разрешил им построить дом на его земле, а за это вся семья Лазукаскав бесплатно батрачила на богатца. Работали на кулака и отец, и мать, и даже их дети — Антанас и Рамуте, с шести лет пасшие чужой скот. Теперь все литовские крестьяне имеют землю и не зависели от кулаков. Но богатен не сда-

погибшего отца. Но драгоценная шкатулка исчезла. Никто о ней не слышал.

Рамуте рассказывала нам, как она доставала иногда маленькую фотографию и пыталась разобрать полустершуюся карандашную надпись на обороте.

— Мне хотелось узнать хотя бы его имя или фамилию. Но надпись совсем стерлась, и я могла прочесть только одно слово «от». От кого же?.. Я мечтала найти этих людей, с которыми была связана судьба отца и матери...

Вместе с девушкой мы поехали к ее брату. Антанас работает техником литовского телецентра. Специальность техника он получил в Советской Армии. Антанас — комсомолец, хороший производитель. Юноша учится и работает, он награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

Антанас и Рамуте бережно хранят память о своих родителях. Вместе с нами они поехали на юго-запад Литвы, к границе Польши, в те глухие леса где много лет назад началась история «Партизанки».

ВЕСНА была в разгаре, вдоль шоссе мелькали цветущие яблони, яркой зеленью были покрыты поля. Тракторы попыхивали синим дымком. Под весенним солнцем блестящие озера, которыми так богат этот край. А ведь когда-то на этих самых полях гремели пушки, стлался дым пожаров, лилась кровь и трое товарищей-солдат тайком пробрались по оккупированной врагом земле на восток — в далекую родную Россию...

Где же, в какой лесной чаще была их землянка-убежище?

Рамуте и Антанас никогда там не были. Только отец знал дорогу к потайной землянке. Болеслав Лазукаска был опытным лесным жителем, — не зря называли его следопытом.

Телеграмма от В. Долгих подсказала нам, что цифра «118», выжженная на шкатулке, обозначает квадрат лесопосадки. В районном центре Вейсейи мы зашли в райисполком. По плану лесопосадок квадрат «118» находится слишком далеко от Лейпалингиса — километрах в 40, у самой границы Польши. Выяснилось, что не столько лет назад квадраты лесопосадок были перенумерованы и бывший квадрат «118» нужно искать в окрестностях Лейпалингиса. И вот над картой старых посадок собрался целый совет. Где же среди этих бесчисленных зеленых и голубых пятен и линий просек находится нужная нам крохотная точка?

На помощь пришел Антанас. Он вспоминал: по рассказам отца, землянка находилась между озером и болотом. В самом деле, на плане рядом с болотом голубело пятнышко озера Скирдис. Где-то тут, на узком лесистом перешейке, и должна находиться землянка.

Солнце уже садилось, когда мы выехали к далекому лесному хутору. С нами пошел местный старожил, лесник Ю. Ивановас. Он подтвердил, что между болотом и озером когда-то стоял межовой столбик с отметкой «118». Там, на краю болота, есть следы обвалившейся старой землянки. Кто ее построил и кто в ней жил, лесник не знал: место глухое, безлюдное...

Да, никто, даже соседи Лазукаскав, до сих пор не знал, что много лет назад семья батрака героически спасала советских воинов. Лазукаска умели хранить тайну...

Темная чаще повстала — открылось поросшее осокой болото. На его крутых берегах растут сосенки. Что-то в них есть знакомое... Рассматриваем рисунок, скопированный со шкатулки «Партизанки», и узнаем: это те самые сосны и тот крутой песчаный откос! Нашли! Вот там, между двух сосен, и должна быть старая землянка «СФ-1» — «Скрытый форт 1», как назвали ее воины.

Действительно, между четырех сосенок, отмечавших углы землянки, находится большая

Один из рисунков на шкатулке

шева в Москве. В мае 1941 года был послан на практику в Гродно, в строительный батальон. Там его застала война. Во время отступления попал в плен. Вместе с пятью другими военнопленными был направлен в одно из поместий Восточной Пруссии.

В их группе был и Михаил Андреевич Ковалев.

Сентябрьским вечером 1942 года они бежали из поместья. Несколько ночей пробрались через Восточную Пруссию.

Именно Ковалев был инициатором и организатором побега — вспоминал Долгих. — На литовской земле мы разделились на две группы. В одну из них вошли Ковалев, я и молодой крестьянский парень Андрей Булатов. Однажды мы набрели на лесной хутор. Хозяин богатого дома, увидев обросших, измученных людей в красноармейской форме, сказал, что у него для нас ничего нет. Во время этого разговора в дом зашла женщина, очевидно, соседка. — невысокого роста, черноволосая, живая. Незаметно от кулака она пригласила нас в свой дом. Это была Лозовская. Домик Лозовских маленький, бедный. Муж Лозовской — Болеслав — столяр, батрачил у богатых хуторян. У Лозовских было двое детей — мальчик Антанас и девочка Рамуте. Лозовская рассказывала нам, что еще во время первой мировой войны она помогала прятать двух русских солдат, бежавших из немецкого плена. Болеслав Лозовский, прекрасно знавший окрестные леса и болотные тропинки, повел нас в глубь леса.

— Вот здесь строите себе дом! — сказал он. — Тут нет ни ягод, ни грибов. Только болото — сюда люди не ходят.

По воспоминаниям Долгих, хутор Лозовских находится примерно в 12 километрах севернее местечка Лейпуня. Болеслав Лозовский принял себя бойком тайком, картошкой, солон. Он рассказывал нам о положении на фронте. Однажды в праздник, с большим риском для себя, Лозовские пригласили трех товарищей в свой дом. В гости! пришлось идти глубокой ночью. — В эту ночь Лозовские показали нам карту Родины и рассказали об успехах Красной Армии, громившей фашистов под Сталинградом. Вместе с нами они радовались успехам советских войск. Мужество Лозовских вдохновляло нас и звало к активным действиям. Мы писали от руки листовки, в которых звали население бить оккупантов.

В один из зимних вечеров мы начали мастерить в подарок Лозовским деревянную шкатулку. Назвали ее «Партизанкой», потому что были уверены, что Лозовская партизанка. 1 мая 1943 года Лозовские пришли к нам в землянку: мы вместе отметили Первуюмай.

Через несколько недель землянку окружили следившие нас жандармы. Они нагрянули ночью, грозили забросать землянку гранатами и после недолгой неравной борьбы схватили нас.

В суматохе нам удалось зарыть листовки. После нескольких месяцев пребывания в тюрьме и бесчисленных допросов все трое были отведены в лагерь военнопленных в Каунас. Дальнейшая судьба моих товарищей мне неизвестна, — сказал В. Долгих. — С приходом Советской Армии я был освобожден от фашистской неволи.

Сейчас Б. П. Долгих — пенсионер, инвалид второй группы.

Третий адрес: Челябинск, район, деревня Крымово, Андрей Булатов. По телеграфу удалось выяснить, что А. Булатов работает на лесоучастке Бурля в Бурятской АССР.

ИЗ РАЗНЫХ концов страны пришли эти сообщения. Скупые, отрывочные, они позволяли все же представить величие полвига семьи литовского батрака Лозовского. Надо было во что бы то ни стало найти Болеслава Лозовского и его жену — главных героев этой истории, людей большого мужества, так свято выполнявших свой гражданский долг.

Хутор Лозовских, как уже было сказано, находился в 10—12 километрах южнее местечка Лейпуня. Но ни на одной географической карте, ни в одном справочнике административного деления не значилось такового местечка. Однако, по всем признакам, этот хутор должен был находиться где-то на юго-западе Литвы.

Мы вылетели на самолете из Москвы в Вильнюс и там обратились за помощью в Совет Министров Литовской ССР к тов. Л. Мартинавичюсу. Он послал нам: «Лейпуня» — это русское название литовского местечка Лейпалингис. Оно находится в Вейсейском районе. Из района сообщили: Болеслав Лозовский (настоящая его фамилия — Лазукаска) и его жена Валерия с детьми Антанасом и Рамуте действительно жили на хуторе Гуронис в 12 километрах южнее Лейпалингиса. Болеслав и Валерия Лазукаска погибли. Их дети живы: работают в Вильнюсе.

Мы начали розыски Антанаса и Рамуте. И вот в наших записных книжках появилась запись: Антанас Лазукаска, Вильнюс, улица Кривас, дом 8, квартира 1. Но что ли это человек? Ведь в Литве тысячи людей носят эти фамилии.

Удалось узнать, что Рамуте работает на фабрике «Раудоний Жвайяиде» («Красная звезда»).

На фабрике в кабинете секретаря парторга М. Ф. Елисеева узнаем, что Рамуте Лазукаска действительно работает здесь с 1953 года. Она отличная работница, активная

вались: в деревнях и на глухих лесных хуторах разгорелась жестокая борьба. Кулаки сжигали дома своих бывших батраков, убивали активистов. Для борьбы с новой, народной властью кулаки использовали бандитов, служивших в свое время гитлеровцам и теперь скрывающихся в лесах от правосудия.

Болеслав и Валерия Лазукаска

Бывший батрак Болеслав Лазукаска стал председателем волостного комитета. Тогда бандиты в отместку подкараулили на лесной тропе его жену Валерию Лазукаска и зверски ее убили.

После гибели жены Лазукаска передал шкатулку советскому офицеру с просьбой послать ее в Москву (очевидно, этим офицером и был младший лейтенант Иван Стрельцов). Через несколько дней бандиты сожгли дом Лазукаскав. Главари банды, которая убила Валерию и сожгла дом Лазукаскав, выдавший полиции Ковалева, Долгих и Булатова. Предатель и бандит не ушел от заслуженного возмездия народа.

Но перед этим банда «Вардукаска» успела сделать еще одно черное дело. В 1947 году кулак устроил засаду на лесной дороге и из-за кустов убили Болеслава Лазукаска.

Болеслав Лазукаска был похоронен как герой — с воинскими почестями на военном кладбище города Алитус. Могилу его украшает пятиконечная звезда.

Куда же тогда делась шкатулка? Рамуте этого не знала. Несколько лет тому назад она обратилась в райком партии и в воинскую часть с просьбой найти «Партизанку», чтобы узнать судьбу людей, когда-то так близких ее семье, — девушка хотела выполнить завещание своего

Антанас и Рамуте Лазукаска. Фото Л. Ющенко

28 АПРЕЛЯ в Центральном музее Советской Армии позвонили из отделения Госбанка. Сотрудница банка Любовь Павловна Скани рассказала, что ее родственники из полковника города Дмитрова — Елизавета и Михаил Шниковы — передали ей деревянную шкатулку, которая, как ей кажется, представляет собой ценный экспонат. Через час шкатулку рассматривали научные работники музея, и в этот же день вместе с редакцией «Литературной газеты» были начаты поиски людей, связанных с ее историей.

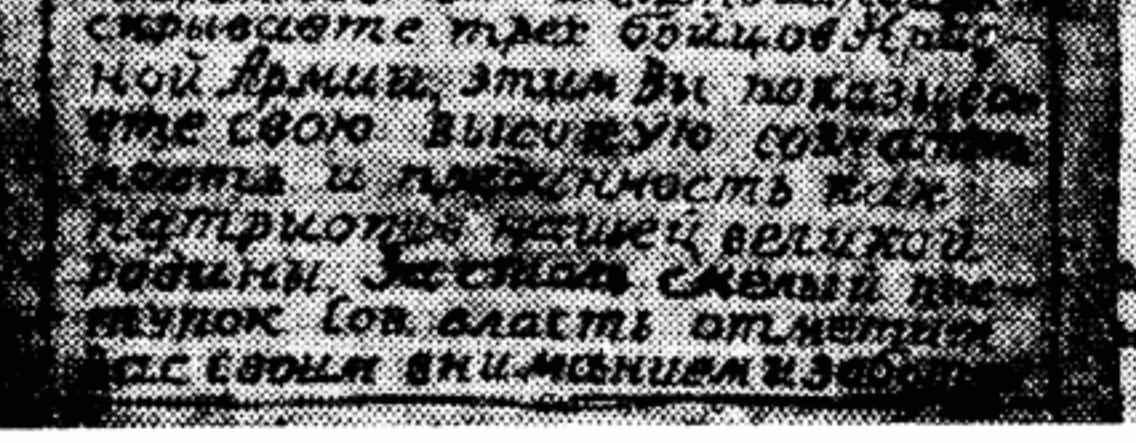
Что же представлял собой шкатулка, так глубоко взволновавшая всех, кто держал ее в руках? Ни описание ее, ни фотографии не могут, разумеется, передать в полной мере то, что испытываешь, читая выжженное на ее стенках повествование.

Над пятиконечной звездой, прикрепленной к крышке, выжжены надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Партизанка». Да здравствует красный фронт! Да здравствует Литовская ССР!»

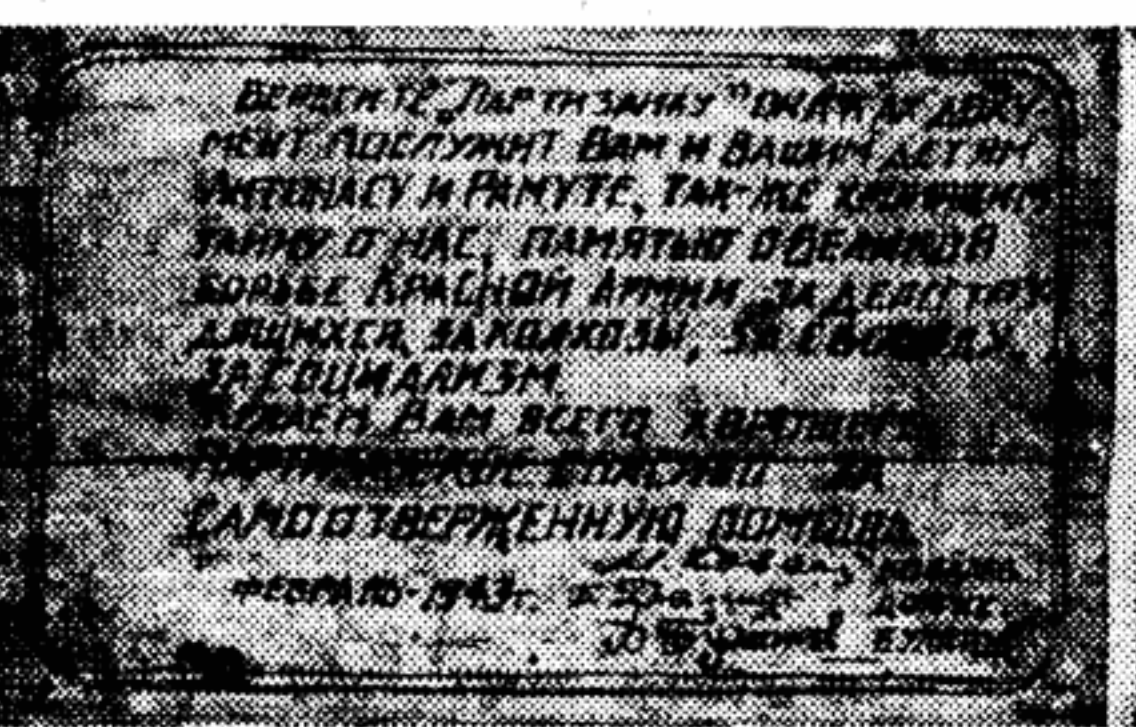
На обратной стороне крышки — имена и адреса тех, кто, бежав из фашистского концлагеря, оказался зимой 1942—1943 годов в литовском лесу.

Одна из надписей рассказывает, кому с такой любовью готовили в дар шкатулку воины-партизаны:

«На память семье Лозовских от русских, свирявшихся в лесу Литвы с 3/Х 1942 года. Литва. Молодой лес — 118 СФ-1».

А на другой стороне крышки выжжено обращение к семье Лозовских. Оно проникнуто чувством огромной благодарности к этим простым литовским крестьянам.

Вот еще надпись: «Товарищи швей! Немецкая буржуазия — фашисты, обману свой народ клеветой о Советском Союзе, мобилизовали его на страшную порабощительную войну. Советский народ, свободный от буржуазной жизни и эксплуатации, ярды встал на защиту своей единственной в мире Социалистической Родины. Верьте! Приближается тот час, когда фашистская гадина будет раздавлена и трудящиеся СССР получат руки трудящихся Запаода, тогда только водворится мир и счастливая жизнь народов Европы.

Да здравствует братство и сотрудничество народов Европы!

Да здравствует СССР — родина трудящихся всего мира! Да здравствует непобедимая Красная Армия!»

Текст, выжженный на внутренних стенках шкатулки, на дне и крышке, словно страницы своеобразной летописи, рассказывает о том, как в тяжелые военные годы они верили в неминуемую победу над фашизмом.

Никто из воинов не был поэтом. Но чувства, переполнявшие их, — гнев против врага и сыновняя любовь к Отчизне, — находили свое выражение в стихах. И вот строка за строкой выжигались на деревянных дощечках стиха «К 1-му мая 1943 г.», «Коммунизм» — стихи, ставшие мужеством, Родиной, народ, партию.

Никто из воинов не был художником. Но им хотелось иллюстрировать свой рассказ и рисунками. Так появились на стенках шкатулки изображения отдельных сцен из партизанской жизни в лесу.

Супруги Шниковы, передавшие в музей шкатулку, сообщили:

— Наш зять, младший лейтенант Иван Васильевич Стрельцов, участвовал в освобождении Литвы от немецко-фашистских захватчиков. Там ему и передал эту шкатулку Болеслав Лозовский. Он просил сохранить ее и при случае отвезти в Москву. Сам Иван Васильевич не смог выполнить этот наказ — он был тяжело ранен.

НА КРЫШКЕ ШКАТУЛКИ выжжены три адреса.

Первый адрес — московский: Серебрянский переулок, дом 4, кв. 11. Михаил Ковалев.

С грустью узнаем: Ковалева нет в живых — умер он в 1949 году в Москве.

Сын Ковалева Слава рассказывает:

— Отец часто вспоминал о бегстве из плена, о том, как его расстреливали, но он чудом спасся и, выбравшись из гурлы тел, бежал. Его пойма-ли, увезли в Германию, но и там он совершил побег. В Литве он с товарищами жил в лесу. Скрывал их батрак Лозовский...

Рассказ Славы дополнили документы из найденного нами личного дела М. Ковалева. В апреле 1919 года он вступил добровольцем в ЧОН, воевал против банд Мамонтова и Шкуро. В самом начале Великой Отечественной войны попал добровольцем в отряд народного ополчения, попал в окружение, затем в плен.

Коммунист М. Ковалев мужественно вел себя во вражеском плену. Он умел поднимать боевой дух товарищей, укреплял в них веру в победу — об этом рассказывают документы, об этом говорит один из товарищей Ковалева, вспоминая тяжелые месяцы борьбы в фашистском плену.

Поиск прекрасного

ОДНАЖДЫ мне пришлось разговаривать с товарищем о наших поэтических делах. В чем-то мы сходились, в чем-то расходились. Когда я сказал, что поэзия — это поиск прекрасного, он поначалу не согласился. Нужно было доказывать. Пришлось уйти в глубь веков и сослаться на Данте, который прошел через все ужасы «ада» и «чистилища» в поисках той, что олицетворяла для него красоту жизни, — Беатриче.

Почему же мой собеседник не согласился с этим сразу? Очевидно, потому, что за моей формулой он усмотрел лишь гимн во славу добра и не услышал пролающий зов. Данте, борющийся за красоту жизни, спустился в «ад», чтоб и там еще раз осудить зло.

В жажде новой жизни и красоты истинные поэты всех времен сходятся. Второй пример совсем близок — это Маяковский. У него, как и у Данте, есть свой «ад» и свое «чистилище». Как поэт он родился в борьбе с буржуазным миром, порождающим войны, унижающим человеческое достоинство, красоту жизни. Все это ясно. Вот почему две-три ссылки на авторитеты прошлого убедили моего товарища. Труднее доказывать, когда речь заходит о практической стороне нашего дела. С собеседник спрашивает: «Если ты исповедуешь высокие принципы Маяковского, то почему не берешь во вооружение его поэтику, почему строишь свое стихотворение не так, как строил он?»

Можно было бы объяснить это свойством характера, тем, что мы рождены, как говорится, с ямбом в душе. Можно бы напомнить, что Маяковский его поэтика не мешала высоко оценивать бесхитростную поэзию Маяковского, а сейчас нет. И не потому, что все наши рабочие живут в хороших квартирах, а потому, что их идеалы стали выше. Как для нас важна систематизация фактов, характеризующих развитие новой личности! И может ли советская поэзия обойтись без поэтического анализа конкретной человеческой жизни! Наш герой очень властный. В стихотворении он займет все стихотворение, в поэме он займет всю поэму. Все тончай адрес поиска красоты: человек — в нем, через него, к нему! Все важней процесс самопознания героя.

В самых труднейших испытаниях мы устояли, выдержали, рванулись вперед. Что мы за люди, что думаем, как поступаем в трудные минуты, в чем черпаем свои нравственные силы? Ответом на эти вопросы явился «Василий Теркин» А. Твардовского, вслед за ним — поэма «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, «Весна в Победе» Н. Грибачева, поэма — «Строгая любовь» И. Смелякова. В сюжетную основу этих поэма легли судьбы героев, но отнесенных знакомым лирическим поэму с неким условным, так называемым, обобщающим лирическим героем. Точный психологический рисунок исключил гримозажные построения. Снова зазвучал ямб. Но ямб отнюдь не

«чисто» пушкинский, на нем сказались поэтика Маяковского.

Пушкинский ямб не требует ни антонационной, ни смысловой разбивки, а в современном ямбе без этого не обойтись...

Чем ближе будем мы к коммунизму, тем больше будет расти интерес к человеку. Если политические и экономические идеалы будущего общества нами уже сформулированы, то идеалы красоты, идеалы нравственные, морально-этические еще требуют разработки. Поэтому-то теперь особенно важен анализ человеческих отношений.

У НАС печатается много стихов о самом прекрасном, что в муках и крови выстрадало человечество, — о Коммунизме. Мне кажется, иные поэты ставят перед собой слишком легкую задачу: отыскать новый эпитет, новую ритму к слову «коммунизм». При такой малой задаче даже самый удачливый быстро исчерпает свои возможности. Но для поэта, занятого людьми, идущими в коммунизм, тема эта безгранична. Для этого нужно только знать людей. Столкновения чувств, мыслей, устремлений неясности. Личный опыт поэта, его пристрастия, уровень его духовного развития определяют границы его деятельности. Герой Леонида Леонова Вихров пришел к коммунистическим идеалам через русский лес, через его защиту от Граниянских. У каждого поэта должен быть свой «русский лес», свой путь к коммунизму. Читатель должен знать, какие идеалы красоты хочет видеть поэт в коммунизме, что он бережно отыскивает в нашей жизни, что утверждает, защищает, против чего борется.

Нелегко найти свой путь, но без своего пути нет поэта. Не признаю к пограничным колыхкам — это мое, это твое! — от них могут происходить лишь пограничные инциденты. Но без личной, выжженной, ответственности за свой «лес» поэту не обойтись. Тогда в нашей поэзии исчезнут беспредметные эмоции и маленькие трагедии, высосанные из пальца:

Где та береза, которую я не посадил?
Где та ветка, которую я не спас от
налома?

яма. Блиндаж обрушился. В углу, по рассказу В. Долгих, в момент ареста были закопаны листовки. Может быть, они каким-то чудом сохранились? Снял блиндаж, начинаем рыть землю. Появляются остатки сгнившей брезентовой ткани. Выбрасываемся очертя голову довольно просторного блиндажа, сделанного опытными руками. Все сигналы, дерево превратилось уже в труху и рассыпалось в руках...

В лесу темнело. В последний раз постояли мы над старой землянкой. Председатель райисполкома К. Давидавичюс, прехватив вместе с нами, сказал, что пионеры и комсомольцы района восстановят землянку как память о героическом подвиге семьи Лазукаскав.

Потом мы поехали к хутору Гуронис, где когда-то жили Лазукаскасы. Хутор окружен стеной леса. Большой дом и высокие хозяйственные постройки потемнели от старости. Это усадьба того самого богатца Каледа, который отказал в приюте трем солдатам и прогнал их со двора. Давно его нет на свете. На хуторе живет его сын — невысокий, неряшливо одетый, угрюмый человек. Он узнал Антанаса и Рамуте и смотрел на них настороженно и заскисающее. Да, ему отец-кулак оставил в наследство этот дом, этот сарай, эти темные, дряхлеющие стены и страсть и напие. Но Антанас и Рамуте, когда-то батрачавшие в этом кулацком доме, получили от своих погибших отца и матери нечто неизмеримо более ценное в нашем советском обществе: честность, бескорыстие, преданность народу, трудолюбие. И было что-то немалое закономерное и даже символическое в том, что сейчас Антанас и Рамуте вернулись на родной хутор и стояли перед этим угрюмым хуторянином. Это были люди неизмеримо выше и чище его, — люди, уже много сделавшие для своего народа, продолжающие традиции семьи Лазукаскав, активные комсомольцы, хорошие производственники, общественники, облеченные доверием народа.

— Заходи в гости, — с кривой улыбкой сказал хуторянин Рамуте.

— Я твой дом знаю, — ответила она. — Сколько лет на вас батрачила, ваш скот паста, ваши конюшни чистила. Нет, не войду я в твой дом — слишком хорошо я его помню...

Рамуте и Антанас отвернулись от хуторянина и пошли к лесу, где у самой опушки виднелась груда битого кирпича, давно заросшего кустами. Здесь был дом Лазукаскав, сожженный кулаками.

История «Партизанки» началась вот здесь, на этом месте, когда трое бежавших из плена советских людей осторожно вышли из леса...

Поздно вечером мы приехали в районный центр Алитус. Здесь похоронен Болеслав Лазукаска. Его могила находится на почетном месте — на военном кладбище: там погребены солдаты и офицеры Советской Армии, сражавшиеся за свободу и независимость Литвы, литовского народа.

Честь и слава семье Лазукаскав продолжает достойно жить в патриотических делах их детей — Рамуте и Антанаса, строящих вместе со всеми советскими людьми новую, светлую жизнь на земле своей родной Литвы.

Такова драматическая история «Партизанки». Шкатулка была названа так в честь жены Болеслава Лазукаска — Валерии. Патриотка погибла от вражеской руки 9 мая 1946 года — в первую годовщину Дня Победы. Сегодня, в четырнадцатую годовщину Победы, когда мы чтим память героев, отдавших жизнь за счастье Родины, дорогая реликвия впервые выставлена в музее. Пусть о судьбе советских воинов, о подвиге семьи литовских патриотов Лазукаскав сегодня узнают все, кто прочтет этот документальный рассказ о славной истории «Партизанки».

Сотрудники Центрального музея Советской Армии полковник В. ВЕРЖБИЦКИЙ, подполковник В. КРАСНОУ, специальные корреспонденты «Литературной газеты» З. ГРИГОРАВИС, В. ЕЛИСЕЕВА, Л. ЮЩЕНКО

Ю. Анненков
ФЛАГ МИНОСОЦА

В неравном бою с фашистами гибнет миносонец «Ростов». В жизни остается несколько моряков. С ними — флаг корабля. Командир, горстка моряков-героев и флаг становятся тем маленьким кремлевым ядром, вокруг которого сплачивается Отдельный гвардейский минометный дивизион моряков. Так начинается роман Ю. Анненкова «Флаг миноснца». В этой книге молодого писателя показана история человеческого характера, которые формируются, крепнут, меняются в суровых условиях войны. Главный герой произведения — фронтовое братство, то великое человеческое родство, которое возникает между людьми, вместе идущими в бой.

Вероятно, самую большую симпатию читателей завоевал Володя Сокин. Этот скромный, обаятельный юноша совершает немало ошибок, терпит неудачи. Неопытный и неумелый, он доверчиво тянется к людям, и они помогают ему в самые суровые минуты жизни. На войне Володя постепенно становится волевым, бесстрашным командиром. Но возмужав и огрубев, он не теряет того почти детского целомудрия чувств, которое всегда так обаятельно.

Рядом с Володей Сокиным его старший товарищ Андрей Земсков — самоотверженный, отчаянный человек. Только один раз нарушает он дисциплину, когда бегает из-под стражи, чтобы спасти флаг миноснца. Очень трогательно и поэтично рисует автор любовь к Земскову радистки Людмилы. Она вместе с Андреем отправляется спасать флаг части и, тяжело раненная, умирает на руках у любимого.

Выразителен образ командира части капитан-лейтенанта Арсенева. Потеряв в первые дни войны семью, он становится замкнутым, суровым, внешне сухим. Беспощадно требовательный командир, Арсенов всегда ввязывается на свои плечи наибольшую тяжесть. Неумолимый труженик войны, он не знает ни забавления, ни сна, ни покоя. Гибель Арсенева — самая драматическая страница романа.

Интересны в книге сцены фронтового быта, достоверна та атмосфера сурового боевого товарищества, которая навсегда остается в памяти бывших солдат. Однако в большом, интересном полотно И. Маркина далеко не все равноценно. Скажем прямо, наиболее сильную часть романа составляет глава, изображающая фронтовой быт и советскую деревню в годы войны. Рука писателя здесь уверена. Но те сцены романа, где на первом плане жизнь морячков, получились значительно слабее. Это ощущение усиливается неудачным образом некоего Канунникова, героя романа тшеславного, эгоистичного, которого ради собственного благополучия приходится в жертву что угодно и кого угодно. Канунников обманывает и доводит до самоубийства молодую жену покойного ответственного работника. Канунников — расхититель государственной собственности, окантователь, человек с грязной совестью. Видимо, автор думал в этом характере показать что эпитетическое, опасное и вредное, что встречалось в суровые годы войны, и показать так, чтобы оно вызвало возмущение и гнев читателя. Но Канунников получился слишком шаркированным. Так и кажется, что он — персонаж одного из фельетонов военных лет. Хочется от души пожелать Илье Маркину освободить свой роман от этих неудачных страниц.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Грозные годы

Илья Маркин
ЛЮДИ ГРОЗНЫХ ЛЕТ
Роман «Молодая гвардия»

Действие романа Илья Маркина «Люди грозных лет» разворачивается широко: на переднем крае одного из центральных фронтов, в штабах, где рождаются замыслы боевых операций, в суровой Москве осенью сорок первого года. Писатель сумел по-своему взглянуть на события, зримо нарисовать характеры, еще не знакомые нам, но привлекательные своей жизненной правдивостью.

Именно таков полковник Андрей Бочаров, человек сильный и волевой. Мы видим в Бочарове в те минуты, когда он смело вступает в борьбу с отсталым генералом Белигоровым. Вместе с Андреем переносится на передний край и как бы участвуем в жестоких схватках с врагом.

Роман Илья Маркина заселен, словно большой дом. Многие из его персонажей наделены четкими, запоминающимися чертами: их судьбы по-настоящему волнуют читателя: это и Бондарь, смелый, собранный офицер, и командир батальона Чернышов, человек огромного мужества, но самодур, и простая советская девушка Вера Полозова, готовая ради победы отдать все свои силы, и председатель колхоза — крутой, трудолюбивый и честный старик Бочаров, отец Андрея. Образы эти получились завершёнными, художественно убедительными.

Г. СЕМЕНИХИН

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Антонес С. Песня. Рассказ из цикла «На военных дорогах». Воениздат, 48 стр. (Библиотечка журнала «Советский моряк»), 50 коп.

Васяков И. В горах Таврии. Записки партизана. Предисловие Н. Карлавич. Симферополь, Крымиздат, 283 стр. 65 000 экз. 6 руб. 20 коп.

Мессалиян Я. Огонь в окне. «Молодая гвардия», 475 стр. 75 000 экз. 8 руб. 95 коп.

Лисанова М. Одна дорожка. Документальная повесть о семье Михневых. Воениздат, 160 стр. (Библиотечка солдата и матроса), 3 руб.

Мамин И. Знамя Девятого полка. Повесть. Краснопольное книжное издательство, 197 стр. 15 000 экз. 3 руб. 40 коп.

Падерин И. На главном направлении. Сталинград — Берлин, 1942—1945. Записки офицера «Молодая гвардия», 336 стр. 90 000 экз. 5 руб. 45 коп.

Сорокин В. С товарищами в ногу. Стихи и поэма «На перутьях». Вологодское книжное издательство, 64 стр. 3 000 экз. 1 руб.

Щербатов Г. Партизанские огни. Повесть о белорусском М. Горбачеве. «Молодая гвардия», 160 стр. 90 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Яшин А. Твоя Родина, Стихи. «Московский рабочий», 271 стр. 4 000 экз. 6 руб. 65 коп.

Комиссия по литературному наследию С. Н. Сергеева-Ценского

Секретариат правления Союза писателей СССР образовал комиссию по литературному наследию Сергея Николаевича Сергеева-Ценского в составе: М. Шолохов (председатель), Н. Замощнин, В. Коозлов, Е. Поповкин, А. Прямков, Х. Сергеева-Ценская, И. Шевцов.

радостями, то ничего не получится. Если ты сел за письменный стол в желанной славы, а не добра, — дело плохо. Потому нельзя прикинуть ни мудрым, ни благородным, ни влюбленным. Особенно заметна ложь в стихах о любви. Здесь на каждом шагу поэта подстерегает дилетантизм. Все добрые качества нужно иметь в себе. Имя их, можно смело садиться за стол.

Приведу такой пример. В Великом Устюге работает мастер чернения по серебру. Сложный состав накладывается на рисунок, выгравированный на серебре, обжигается в горне, оplaивается, шлифуется, после чего рисунок можно ковать, — чернь уже не выпрохтается.

Мне рассказывали о старом деревоземном мастере этого дела. Прежде чем приступить к работе, он готовил себя духовно и физически — молился, постился, ходил в баню. Наша же работа во много раз ответственнее. Мы накладываем свой рисунок на человеческую душу. Достойна ли этой души? Делает ли ее красивой? Если да, то нужно работать так, чтобы красота, положенная вами на душу, не сохнула с нее при любой ковке и лаке.

Прекрасное не может родиться без трагических и драматических конфликтов. Мы живем в трагедийное время, в самый разгар борьбы нового со старым, передового с отсталым.

Сознание трагедии не унижает, а возвышает человека. Наши драмы и трагедии — лишь отголоски великой трагедии, которая разыгрывается в борьбе нового мира со старым. Мы долго не признавались, что она есть, будто надеялись, что останется какое-то особое время тепличного формирования человека.

Идея красоты — это идея правды. Ложное не может быть красивым.

Но идею прекрасного мыслят. Возьмем образ женщины в русской поэзии. Жеманную красоту аристократок заставляла красота женщины из народа, которая «когда на скаку остановит, в торжестве збуя войдет». Огтябрьская революция утвердила этот образ. Почти все женщины в советской литературе — некрасовского типа. Это закономерно. Наши героини — трудящиеся женщины.

В деревенской красавице прежде всего ценится крепость кости, ее способность равнать с мужичной таскать мешки, метать стога, от зари до зари пластаться на

поле — жать серпом. Труд в деревне и сейчас еще тяжел, но основные полевые работы уже механизированы. Облегчается труд в животноводстве. Механизация проникает во все отрасли сельского труда, что не может не отразиться на облике деревенской женщины. Уже сейчас формируется новый ее тип — более нежный, душевно более тонкий. Нынешняя деревенская девушка, пожалуй, ничем не уступит Татьяне Лариной. Она грамотна не менее той, она много читает. Если перечислить круг ее любимых авторов, то он не меньше, чем у любимца Александра Сергеевича. И, конечно же, как девушки всех времен, она прежде всего ищет «про любовь». Почитывает она и нас, пишущих о ней, читает и не узнает себя. Про Татьяну написано так красиво, а про нее:

К великой радости родни
Ей насильяли трудови.
Дальше этого поэт не идет. А она столько писем сочинила своему любимому, придумала для него столько нежных слов. Попались они, эти слова, переводчику, привыкшему к подстрочникам, и появились стихи, полные страсти. Если ее нарисовать только такой, какая она уже есть, то она будет хороша. Если же ее изображать такой, какой она себя хочет видеть, она будет прекрасной. Почему же мы не делаем этого? Потому что мы не замечаем перемещивости жизни и по старинке думаем, что рабочий или крестьянин не поймет красоты. А пора бы сказать:

Довольно нам перед будущим
Трести пролетарским рубищем!

Время поэтических обещаний прошло. Слишком много взято авансов. Пора расплачиваться. Наступает время поэтической конкретизации образа, время нового героя, который уже не хочет жить в наших поэтических бараках с фанерной перегородкой и печкой-временкой, с обскими нарами, где трудно разобрать, чья нога — твоя или моя. Пора и нам, поэтам, решать жилищный вопрос — строить добротные дома, а мерку брать с человеческой души.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ о «строительном материале».

В море уroveň воды падает медленно. Каспий еще море как море, во

На фронтах Великой Отечественной...

Вместе с армией прошли трудными дорогами войны советские писатели. На всех фронтах, в тылу у противника они были в общем строе защитников Родины. Сегодня мы печатаем снимки той незабываемой поры.

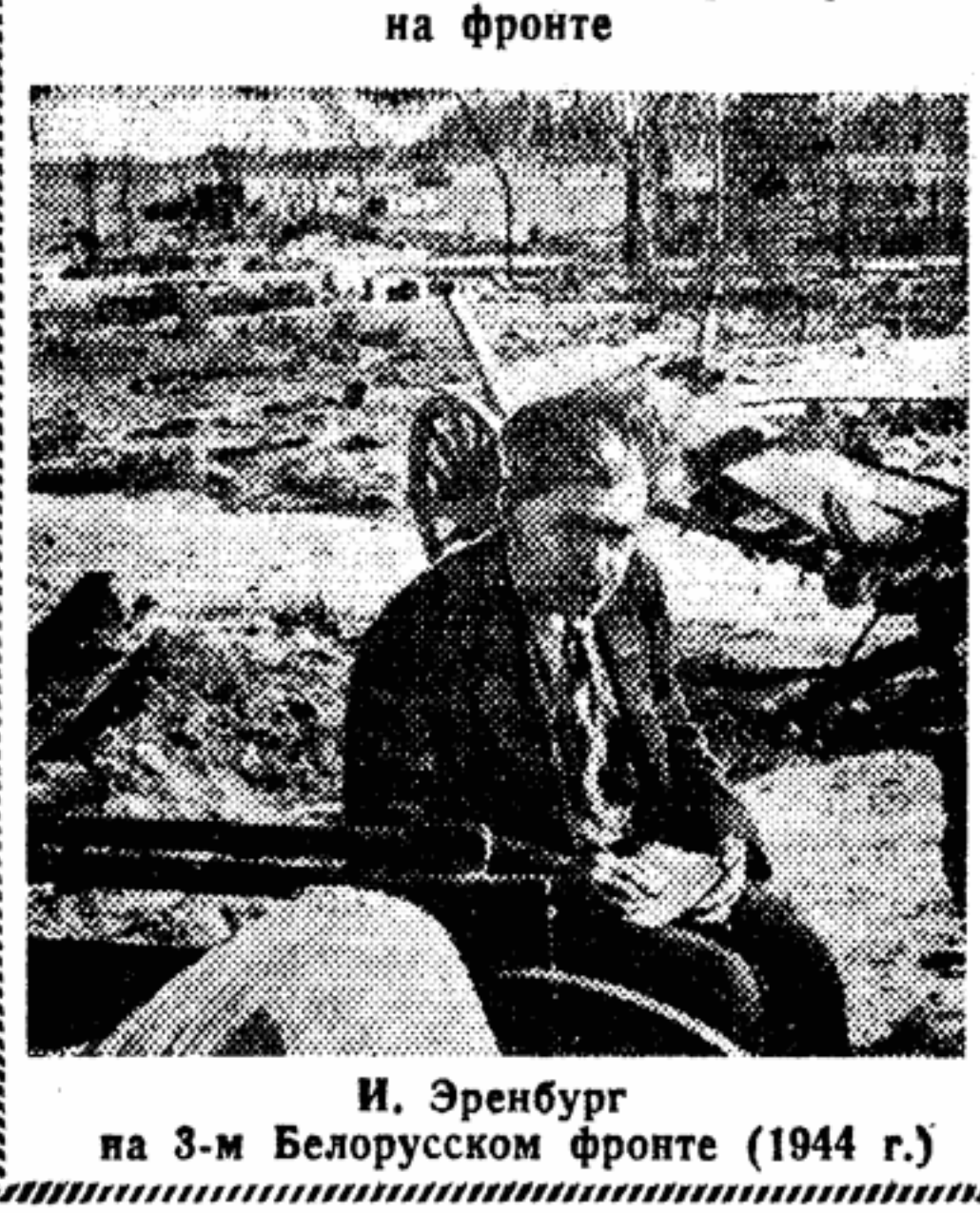
Фото С. Альперина, Я. Рюмкина, В. Тенина.

М. Шолохов и Е. Петров на Западном фронте (1941 г.)

В. Васильевская и А. Корнейчук на фронте

И. Зренбург на 3-м Белорусском фронте (1944 г.)

Б. Полевой в землянке в Сталинграде (1942 г.)

А. Сурков и К. Симонов на Волховском фронте (1943 г.)

ДОМ НАД МОРЕМ

РАССКАЗ

Иван НАУМЕНКО

Вдоль побережья тянулись дачи, виллы, курорты. Белый дом — на верхнем этаже его мы облюбовали комнату под наблюдательный пункт — высился на самом берегу длинного узкого залива — здесь море вдавалось в песчаную немецкую землю. Термос с супом принес нам под вечер старшина Низколовов.

Синяя фуфайка и бриджи старшины были в песке: открытый пляж простреливался, и метров двести приходилось ползти на животе.

В этом курортном доме над морем мы жили просто роскошно. Не такое уж тяжелое дело наблюдать за противником под защитой толстых стен и передавать сведения по телефону.

...Мы перешли в «гостиную», комнату, которая своими окнами выходила только на море. Безопасность тут была полнейшая. Затянуты самодельными шторками из черной тряпичной бумаги окна и заглаз десять свечей.

Иллюминация по причине прибытия в наш город императора Хирохито — сказал помкомзавода Смирнов.

Смирнов шутил, но шутишь старшина. А мы, пятеро, стояли с серьезными лицами и глядели на брезентовую сумку Низколовой. В гостиной мы собрались не ради супа, что плескался в двадцатилитровом термосе.

Низколовов знал, что нам нужно. Но он медлил. Он сел на мягкий стул, вытер носовым платком красное, потное лицо, закурил.

— Не тяни, старшина, — сказал Филимонов. — Давай, давай.

— Тебе нет. Твоя Дашка еще пишет...

Остальные не отважились попытать судьбу.

Помкомзавода Смирнов прилег на двухспальную дубовую кровать и забарабанил каблуками по полу. Письмо он получал только от матери и сестры и был спокоен.

Старшина сидел и курил. Мы стояли и ждали. Нашему терпению приходил конец.

— Сегодня кавалеры ордена Славы несчастливые, — проронес Низколовов. — Счастье только одному кавалеру. Зато поздравляю всех с завтрашним Первым мая...

Низколовов вытащил из-под полы две флажки в мягких ворсистых чехлах.

— С водой или так? — спросил он. — Предупреждаю — неженатый. Сто градусус.

Об этом можно было не спрашивать.

Разбавленный спирт кавалеры ордена Славы не пили.

— Кому счастье? — попытывался Филимонов. — Ему пять не дадим. И письма хвем.

— Пить всем по очереди. Свято... Смирнов поднялся с кровати и сходил к дежурному. Над залитым стояла тумана не было, спокойная гладь залива казалась черной. Другой берег молчал.

— Филимонову и Середе не пить, — вернувшись, приказал Смирнов. — Смените Мерзлякова в полночь. Очередь дежурить — Булавенко, но он будет играть. Заступит утром.

— Булавенке и письму, — сообщил Низколовов. — Два письма. Он счастливый. Давай, Булавенко, плаши!

Все начали бить в ладоши, затянув какой-то веселый мотив. Леся Булавенко, высокий, белобрысый, шаркая кирзовыми сапогами, пошел по кругу.

— Вприсядку!

Неуклюже выдвигая ноги, Леся прошел еще один круг.

— Этоже лебедь первого класса, — отметил Низколовов, отдавая Булавенко письма.

Свечи разливали мягкий, тихий свет. На стене висели два пейзажа: водяная мельница у развесистой ивы и стадо коров на лугу. На этом же лугу собирали цветы барышни в белых платьях, раздувавших книгу, будто парашюти, а кучерявенький, похотливый на лице избушко дуд в дудочку. У противоположной стены стояло пианино. Из-за него мы и назвали эту комнату гостиной. Играл у нас Булавенко, воспитанник детского дома.

Праздничный вид гостиной портит плащпалатки и зеленые с черными крапинками маскхалаты, брошенные на спинки кресел. Автоматы пристроились в углу. Тонконогий кофейный столик с шестью задымленными котелками дте был некуда, он стоял в самом центре комнаты.

— Пить! — приказал Низколовов. — Берлин завтра наш. Войне — конец! Это было похоже на сказку. Первой, конец войны. Жаль, черт возьми, что мы были не в Берлине!

Леся Булавенко не стал ужинать, он читал письма. Мы знали, кто их написал. Одно — Катя из Дорогобужа, где полк был на пополнении, другое — полка Эва-Иоланта из литовского городка Кальвария, у самой прусской границы. Городок мы освободили полгода назад, осенью.

Филимонов и Середа, покинував, отравились сменить Мерзлякова, хотя могли отдохнуть еще целый час. Без писем им не сиделось. Когда пришел Мерзляков, ему отлили норму, оставив нероным тут, что полагалось дежурным. Через полчаса все переменялось...

Старшина Низколовов заплакал. Вытираясь платком, плакал и Филимонов, он всегда плакал. На мягких немецких креслах сидели кавалеры Славы, старожилы взвода пешей разведки, знавшие друг друга еще с Ржева. В разбитом Ржеве полк формировался. — Мамедова нет! — плача, кричал старшина. — Спит в земле наш друг Мамедов!

Мамедов был третьим по счету командиром взвода. Его смертельно ранило две недели назад...

— Брось, старшина, брось, — Смирнов положил ему руки на плечи. — Никто никого не забудет.

Горели свечи в высоких медных наделях. Где-то близко, один за другим, разорвались три снаряда. Резко ударила пулеметная очередь. Смирнов побежал к дежурным.

— Все тихо, — сказал он, вернувшись. — Войты гансики. Играл, Булавенко!

Булавенко уже сидел за пианино. Каждую ночь играл он нам с тех пор, как мы поселились в белом курортном доме над морем.

Тонкие пальцы Булавенко бегали по клавишам. Но для той музыки, которую все хотели услышать, чего-то не хватало.

— Потушить свечи! — приказал Смирнов.

Маскировку сняли, и тогда все стало на свое место. Окна гостиной глядели на море. Оттуда не стреляли. Поднимались месяц, и его свет вырывал на бескрайней морской равнине широкую синюю полосу. На ней расхлосились марицавшие круги. Казалось, что под самыми окнами куда-то течет непрозрачная, теплая река. И волны ее с легким однообразным шумом набегали на песчаный берег...

Булавенко заиграл вальс. Мы придвинули свои кресла к окну и смотрели на море. Мы знали друг о друге все. Даже то, о чем каждый думает в эту минуту. Все мы думали про девчат, которые присылали нам треугольнички. Мы знали, что там было. За два года наступления мы все исповедались один другому, у нас не было никаких тайн. Троем из нас девушки писали о любви, троем — о дружбе. Женатых не было. Трое кавалеров Славы еще ни разу не целовались. Не успели. Старшему было двадцать два, младшему — двадцать.

Булавенко играл, взмахивая руками, а мы молчали. Легко и тихо было на душе. Немецкий апрель нес весну. Земля была чужая, но весна по ней шла так же, как и там, на родине.

— «Огонек»... — скомандовал Смирнов.

Те, кого девушки проводили на войну, могли вспомнить крыльцо, занавески, огонек в знакомом окне.

Самое Смирнова на войну девушка не провожала. С Кларой он познакомился, когда лежал в госпитале, в Пензе. У медсестры были большие, слово

испутанные глаза. Это мы знали по фотокарточке. Клара изменила ему весной сорок четвертого, после того как Смирнов избежал пересылочного пункта и запасного полка, вернулся в свой взвод.

Сначала Клара перестала писать. Потом, может, после десятого письма пришла обычная открытка, написанная твердым мужским почерком. Неудомый Кларин муж, которого мы сразу же зачислили в интенданты, советовал бросить шутки и не тревожить его жену. После Клары Смирнов пел «Огонек» по-своему. В его песне девушка, махнув на прощанье парню, ушедшему воевать, в тот же вечер сидела на крыльце с другим.

— «Темную ночь»... — попросил Низколовов.

За окном была не осень, а светлая весенняя ночь. Не светила луна, и в порывных проходах не шумел ветер. Протяжно вздыхало море. Мы вспоминали девушку. Ждут ли они нас? Конечно, ждут. Может так же сидят в этот час у окон и мечтают о встрече...

В легкомысленности наших девушек, несмотря на измену Клары, мы не верили. Такого не могло быть. Они должны нас ждать. За все то что нам пришлось повидать на войне, мы имели право на их верность...

Булавенко по своей охоте заиграл о Лизавете, которая не спит до самого рассвета, она ждет весточки от друга. Он хотел нас развеселить и старался веселю... О какой только Лизавете думал он сам? Ему писали две девушки. С каждой Леся был знаком по одному дню. Полка Эва-Иоланта не очень хорошо знала русский язык и в своих письмах называла Булавенко «Лоней».

В мягком кресле под музыку Булавенко старшина Низколовов заснул. Это мы установили, когда концерт окончился и когда, закрыв окна маскировочными шторками, снова зажгли в гостиной свечи. На какой песне заснул старшина? Впрочем, это не имело значения. О девушках он не думал, у него была жена, дети, дом. Старшина, должно быть, лучше нас понимал, что ночь дана для того, чтобы спать.

Утром, отидев свое очередь на наблюдательном, Булавенко спать не лег. Он был возбужден и весел. Пока все спали, он писал ответы.

День был по-настоящему майский. Светило солнце, и ровным блеском оно отечвало море. Бескрайняя ширьна воды сливалась вдаль с небом. Над морем носились чайки. Изредка постреливала наша артиллерия, и еще реже отзывались немцы. Полил теплый майский ливень. Он перестал так же неожиданно, как и начался. Под окнами дома сочно зеленели газоны.

В полдень нам нужно было отнести офицеру разведки карту, на которую ежедневно мы наносили огневые точки противника. Идти в штаб попросился Булавенко. А через несколько минут его убило осколком снаряда. Под самыми окнами нашего белого дома, на песчаном пляже.

Хорошили друга на следующий день. В сосняке, выросшем на сыпучих морских дюнах, мы вырыли могилу. Она была лучше, чем могилы тех, кто погиб раньше. Мы теперь не спешили, война кончалась...

В брезентовой сумке Булавенко мы нашли все письма — и дорогобужской Кати, и Эва-Иоланты из литовского городка Кальвария. Там лежали и два неостосланных Булавенко треугольничка. Их мы не отослали. Леся писал только о том, что война кончается. В одном письме он обещал заехать в Кальварию, в другом — в Дорогобуж.

После смерти Булавенко мы заметили то, чего не замечали раньше. На фотокарточках Эва-Иоланта и Кати были очень похожи друг на друга. Можно было подумать, что они сестры. Мы написали каждой, что Булавенко ее любил.

К вечеру противоположный берег сдался. Вели пленных.

Перевела с белорусского К. ДОВРОВОЛЬСКАЯ

А. МЕЖИРОВ

МЕДАЛЬОН

...И был мне выдан медальон пластмассовый. Его хранить велели на груди, Сказали: «На нармана не выбрасывай, А то... не будем уточнять... Иди».

Гудерман гудел под самой Тулоу. От смерти не был я загворен, Но все же разинулся с пулей-друюю

И вспомнил как-то раз про медальон.

Мою шинель походы разлохматили, Прокляты костры пылавших ружий. А в медальоне спрятан адрес матери: Лебязий переулок, дом 1.

Я у комбата разрешенье выпросил, И, вдалеке от городов и сел, Своей медальон в траву густую выбросил.

И до Берлина, невредим, дошел. И мне приснилось, что мальчишки смеются, Блуждая отбор от села вдали, В дру орезх собран слезные, Мой медальон пластмассовый нашла.

Они еще за жизнь свою короткую Со смертью не встречались наяву, И, странною вострожены находкою, Присели, опечалены, на траву.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 55 9 мая 1959 г.

МОСКВА — СВЕРДЛОВСК

Заседание бюро правления Союза писателей РСФСР

В дни подготовки к третьему всесоюзному съезду писателей в Свердловске открылось выездное расширенное заседание бюро правления Союза писателей РСФСР. И Свердловский литераторам приехали из Москвы П. Соболев, С. Баруди, Г. Баширов, С. Васильев, А. Дементьев, В. Дружин, И. Котенко, В. Полторацкий, Е. Поповкин, А. Софронов, писатели Оренбурга, Перми, Тюмени и других городов Урала.

Во вступительном слове председатель правления Союза писателей РСФСР П. Соболев подчеркнул, что тема современности — главная тема советской литературы, призванной отобразить грандиозные свершения нашего народа.

Затем с докладом о работе журнала «Урал» и его задачах выступил главный редактор О. Корнюков. Заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР В. Дружин сделал обстоятельный разбор произведений, опубликованных в журнале «Урал» за последнее время.

Вчера на утреннем заседании выступили Г. Баширов, С. Васильев, И. Котенко, редактор газеты «Уральский рабочий» В. Кружков, свердловские литераторы И. Никонов и Б. Джигур, мастер Ураламзавода М. Шутов и другие. Сегодня заседание бюро будет посвящено пленуму в Союз писателей группы уральских литераторов.

Долой Рафаэля! Да здравствует Рубени!

Надо разобраться, чем помешало молодому поэту поэтический образ Мадонны с младенцем. В своей ли возмущенностью и охотуворенностью? Но кому, как не поэту, приветствовать ее? И не против Рубенса с его тяжеловесной приземленностью, но зачем же свертать Рафаэля с его великой идеей служения человечеству? Быть женщиной Рубенса легко, быть Малонной Рафаэля трудно, не только трудно, даже трагично. Разговор о старых художниках не праздный, он сегодня злободневен. Речь идет о том, по какому пути пойдет молодая поэзия — по легкому, внешне эффектному, или по трудному, но благородному, выбранному не из прихоти сердца, а из долга перед людьми.

Хочется сделать еще одно замечание. Мы несомненно состоянием своей поэзии, и это справедливо. Нельзя двигаться вперед, не осознав ее недостатков. Но нельзя двигаться вперед, не оценив ее достоинств. Классическая литература формировалась веками. В Пушкине, Лермонтове, Некрасове она достигла вершин. Мы создали литературу за сорок лет — литературу с принципиально новыми героями как в прозе, так и в поэзии, мы выдвинули имена, которые не стыдно поставить рядом с классиком. Это Маяковский, Есенин, Твардовский, Смяжков.

Поэтическая эстафета продолжается.

Зак некая изучать только по словарям и книгам. В словарях слово неподвижно, тогда как в жизни оно имеет множество поворотов и в каждом повороте свой оттенок. Точно так же можно сказать и о литературе. Чтение художественной литературы обогащает язык, но воз-

его обмеление уже тревожит ученых. А разве не то же самое происходит с русским языком? Нужно отдать должное писателю А. Югову и другим, выступившим с интересными статьями на эту тему. Если литераторы не употребляют какие-то слова, — значит не выражаются какие-то чувства и мысли. Однако Михаил Светлов признавал, что одно из лучших его стихотворений «Итальянец» зачалось со звучного притяжательного слова. Оно призывало другие слова, такие же емкие, звучные. Они пришли, как равные, и встали в строй. И уже не узнать, какое среди них пришло первым.

Молодой уроженец Неаполя! Что оставил в России ты на поле? Почему ты не мог быть счастливым! Над родным знаменитым залитым?

Итак, объявлена тревога: идет оскудение русского языка. Многие слова не обращиваются в литературном процессе — лежат мертвым капиталом. Даже хуже того. Вместе со словами забыты какие-то сокровенные уголки русской души. И кому, как не критику, ратовать за обогащение нашего поэтического языка!

Не так давно в Литературном институте шла защита диплома. Обсуждалась работа молодого поэта, казах, пишущего на русском языке. Большинство стихов посвящено Казахстану, его природе. И это дало основание критику заявить, что вот и без знания родного языка можно стать национальным поэтом. Нет ничего ошибочней и вредней такого утверждения. Если поэт пишет по-русски, значит, он и мыслит по-русски. Точность описания казахстанской природы не дает оснований называть его национальным поэтом. Русский художник Верещагин прекрасно изображал Восток, но там никто не называет его своим национальным художником. Верить в то, что без знания родного языка можно стать национальным поэтом, все равно, что верить в непорочное зачатие.

Язык нельзя изучать только по словарям и книгам. В словарях слово неподвижно, тогда как в жизни оно имеет множество поворотов и в каждом повороте свой оттенок. Точно так же можно сказать и о литературе. Чтение художественной литературы обогащает язык, но воз-

булавенко играл, взмахивая руками, а мы молчали. Легко и тихо было на душе. Немецкий апрель нес весну. Земля была чужая, но весна по ней шла так же, как и там, на родине.

«Огонек»... — скомандовал Смирнов.

Те, кого девушки проводили на войну, могли вспомнить крыльцо, занавески, огонек в знакомом окне.

Самое Смирнова на войну девушка не провожала. С Кларой он познакомился, когда лежал в госпитале, в Пензе. У медсестры были большие, слово

